

П. Горчаковский:

«МЫ НЕ ШЛИ ПО ЧУЖИМ СЛЕДАМ...»

Его появление, как ветер, поднявшийся поутру, привнесит хаос движений в мою спокойную комнату. Энергии этого человека в избытке хватает, чтобы заставить собеседника «крутиться» в ритме, который он сам задает. Порою, мне кажется, я тону в потоке быстрых ремарок и замечаний, перебивающих мои рассуждения, но нить разговора не прерывается. Беседуем дальше. Таков стиль нашего общения.

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ

Павел Леонидович Горчаковский. Доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. Тридцать лет жизни отдано Институту экологии растений и животных — сорок пять лет научной и педагогической деятельности. Школа. Плеяда учеников.

1920 г. — Родился в семье педагогов, в Красноярске. В годы учебы увлекся ботаникой. Продолжил занятия в институте. Первый руководитель — профессор В. А. Поварницын. Первая тема — лесная растительность Сибири. На формирование научных представлений, по его признанию, сильно повлияло знакомство с трудами корифеев ботаники — В. Н. Сукачева, П. Н. Крылова, В. В. Реведратто.

1945 г. — Защита кандидатской по теме «Фитоценологический строй и флористические особенности лихтовых лесов Восточного Саяна».

1945 г. — Уже на Урале. Заведует кафедрой ботаники и дендрологии Уральского лесотехнического института. Развернул исследование растительности Урала — от Приполярья до Южного.

1953 г. — Защита докторской: «Растительность верхних поясов гор Урала».

1954 г. — Присвоено звание профессора...

Очень может быть, что в кругах уральской науки тогда это был самый молодой профессор. Тридцатичетырехлетний, полный творческих планов и, подчеркнем, обаяния. Совершив скачок во времени, мы увидим, как многим из этих задумок суждено будет сбыться.

Однако вернемся к истокам, с которых берет начало карьера научной деятельности, а в год 1958-й, когда молодой, но вполне сформировавшийся как ученый профессор встретился с человеком, во многом определившим последующий уровень его взаимоотношений с мирозданием. К тем временам, когда в лучших умах планеты уже формировался тот новый тип мышления, получивший в дальнейшем название «экологического».

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

— Вы хорошо знаете, что инициатором создания нашего института в том виде, в каком он предстает нам сейчас, был Станислав Семенович Шварц. В то время институт не располагал материальной базой, но Станислав Семенович считал, что для развития науки в любом учреждении нужно прежде всего подобрать на должность заведующих лабораториями способных,

компетентных людей. И в этом он преуспел. Как-то так бывает в развитии и науки, и общества, что нужные люди появляются в нужный момент, вы это тоже, наверное, замечали. Следует только увидеть их и привлечь. Шварц говорил, что, по его мнению, ведущими фигурами в любом институте является не директор, не заместители, а заведующие лабораториями. И подчеркивал, что сам он — прежде всего заведующий лабораторией, а потом уже директор. Научная работа проводится в институте в лабораториях, в определенных научных коллективах, имеющих свою программу, свои цели и возможности, а роль директора — это координировать и решать общие вопросы.

Шварц хорошо разбирался в людях, был тонким психологом. Умел совершенно разных людей сплотить в работоспособный коллектив, где для каждого человека находилось соответствующее место. Но и ему в какой-то степени повезло, что нашлись у него и хорошие сподвижники. Был конец 50-х — начало 60-х годов. В то время работал в институте Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. У них со Шварцем разговоры велись постоянно. Жили они по соседству, во Втузгородке, в очень неприглядном таком домишке, и квартиры у них были напротив. Почти каждый вечер Тимофеев-Ресовский к нему приходил, они сидели допоздна, бесконечно курили, и так вот за разговорами Николай Владимирович съездал между прочим... банку варенья, к изумлению Фаины Михайловны, жены Станислава Семеновича. Конечно, эти беседы необычайно помогли в выработке их общих позиций, общих представлений. Не побоюсь сказать, что без Тимофеева-Ресовского не было бы, наверное, и Шварца, в том представлении, которое о нем сложилось. На формирование его как ученого семь лет непосредственного контакта с Николаем Владимировичем оказали огромное влияние.

Лабораторией лесоведения тогда заведовал Борис Павлович Колесников, человек очень эрудированный. Молодая сотрудница Вера Павловна Фирсова возглавляла лабораторию почвоведения, Станислав Александрович Мамаев стал заведовать ботаническим садом при институте. Тогда же появился и Дмитрий Иванович Семенов. У меня образовалась лаборатория экологии растений и геоботаники, которую я возглавил. Это было чрезвычайно интересное время. Шварц года на два был постарше меня... Тимофеев-Ресовский старше нас всех, Мамаев и Фирсова — помоложе. То был период формирования наших представлений об экологии, ее задачах и сферах приложения...

ГОРЧАКОВСКИЙ И ДРУГИЕ

Лаборатория зоологии растений и геоботаники была создана в 1959 году. «Зубр» как-то заметил: «В любом случае берите молодых и готовьте из них специалистов,

увлекайте работой». Этому совету Павел Горчаковский и следовал. Получил первых пять человек, выпускников разных университетов. Исследования, которые начали проводить, не ограничивались стенами лаборатории. Выезды в поле, ночевки в горах, в лесах, на берегу озер или рек, в палатке, а то и в степи у костра — все это не только давало обильную почву для размышлений и творчества, но и формировало основу взаимоотношений в лаборатории. Завлабу же к бивачной жизни было не привыкать: многократные экспедиции по изучению флоры и растительности Урала (от его северной окраины до южных отрогов и прилегающих равнин Сибири и Казахстана) организовывались им еще с послевоенных лет. Как не без юмора заметил академик В. Н. Большаков, его первое знакомство с Горчаковским было заочным: в какой-то книжке, будучи еще студентом, он прочитал, как однажды к костру из леса вышла группа усталых молодых людей, которые разыскивали «пропавшую лошадь из экспедиции профессора Горчаковского».

Чем объяснить эту тягу к путешествиям, к общению с людьми и природой? «Всю жизнь основной движущей силой моих поступков была увлеченность, — отвечает он сам. — Она объясняет, почему с такой легкостью лез я на горные вершины, кормил комаров на болотах, мерз в тундре... Не я один, разумеется, — все мы были увлечены работой». Излишне говорить, что все эти работы и изыскания имели свое продолжение и внесли много нового в ботаническое познание Урала и Приуралья.

Стоит отметить удачный выбор приоритетов научного поиска. Выработке плодотворных идей во многом способствовал личный контакт с зарубежными коллегами (пригодилось знание нескольких языков) — тот фактор, позволяющий быть в курсе важнейших научных событий, без которого невозможна истинная широта научного мышления. Его слово звучит на многих конгрессах, симпозиумах и конференциях как в СССР, так и за рубежом. Университеты Франции (Гренобль), Италии (Камерино), Польши, Чехословакии приглашают Горчаковского для чтения лекций. В Австрии помимо лекционной работы он еще и объездил всю страну, побывав во всех крупнейших ее университетах.

Рассказывает П. Л. Горчаковский:

«Мне удалось встретиться и обсудить научные проблемы со многими выдающимися учеными. Иные из них ушли из жизни, другие продолжают работать, но каждый оставил след и в моем сердце. Думаю, что благодаря научным дискуссиям, научным связям, знанию отечественной и зарубежной

В экспедиции на реке Вишере. 1970 год.

Автор этого снимка двадцатилетней давности — А. Мокронос, ныне действительный член АН СССР.

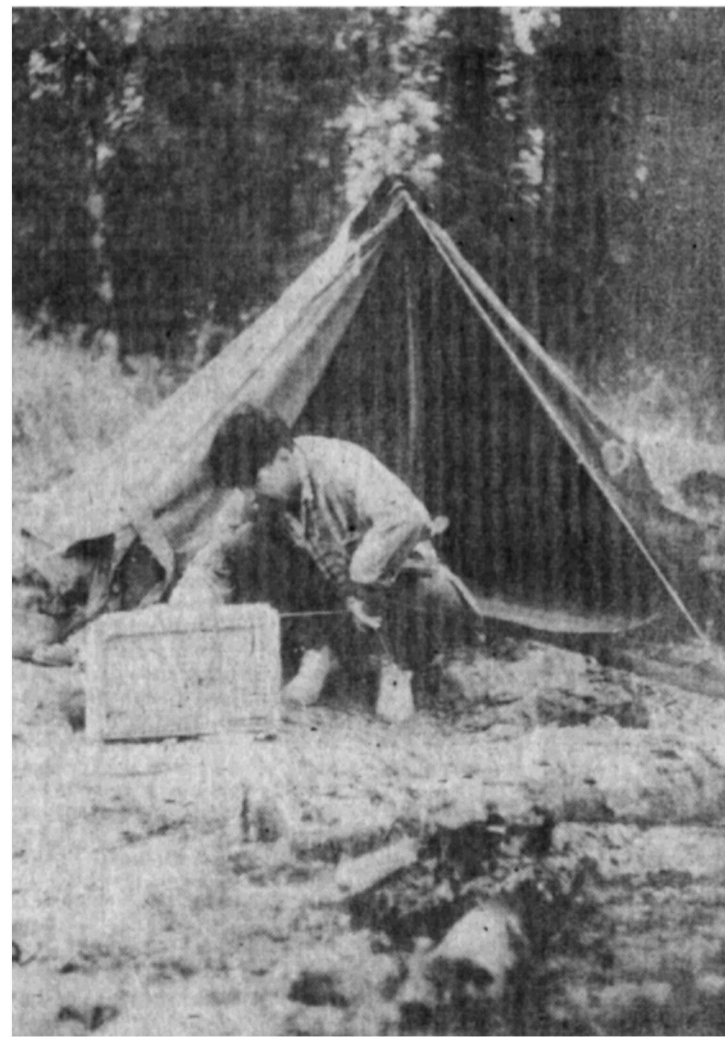
литературы мне и удавалось выбирать те направления исследований, которые впоследствии оказались очень перспективными.

Приведу два примера. Наверное, лет десять-пятнадцать тому назад я стал настойчиво пропагандировать идею о необходимости изучения во всей полноте закономерностей изменений растительного покрова под влиянием деятельности человека. И весь комплекс этих изменений в самом широком смысле я называл, вслед за рядом зарубежных ученых, синатропизацией (от греч. суп — вместе, антропос — человек) растительного покрова. Это по сути дела стратегия приспособления растительного мира к условиям, которые созданы или видоизменены человеком. Миллионы лет эволюция растительности шла по линии приспособления растений к природным факторам. Теперь сильнейшим, могучим фактором стал человек с его разнообразной деятельностью. Он производит такие изменения в среде и настолько быстро, что они превосходят природные изменения. Многие удивлялись тогда, а стоит ли проводить изучение таких воздействий, ведь это лишь ботанический курьез? Теперь вышеупомянутое направление исследований стало общепризнанным.

Лет восемь тому назад я выдвинул идею о необходимости организации постоянной службы слежения за состоянием растительного покрова, т. е. мониторинга, как теперь принято говорить. Первое время некоторые коллеги, даже доктора наук, спрашивали, а что это такое и зачем, мол, нужно. Теперь эти же люди уверенно говорят об этом и проводят со-

ответствующие исследования. Таким образом, я хочу лишь подчеркнуть, что мы не шли по чужим следам и если «шли по волне», то сами иногда создавали волну.

Мы прекрасно все знаем, что человечество формировалось в тесной связи с природой и прежде всего с растительностью. Лес давал нашим предкам и пищу, и кров, и топливо, и все, что необходимо. И по мере того, как создавалось наше современное индустриальное общество, человек все больше и больше отрывался от природы, от растительности. Он оказался скованным в рамках городов, промышленных центров. Вы, наверное, чувствуете, что люди рвутся к природе: с одной стороны, они стараются хотя бы в выходные дни вырваться куда-нибудь подальше — в лес, на берег озера, а с другой... даже изображение растений на стене держат в комнате, или цветы на подоконнике. Оздоровляющее влияние леса, где воздух лишен микробов... Да и само зрительное восприятие растительности действует облагораживающе, вспомним, что наши великие композиторы, поэты и живописцы искали вдохновение в прогулках по лесу, в общении с природой. Теперь этого почти нет. Высокий уровень загрязнения промышленных центров, да и сельской местности, вся эта органика, все эти пестициды, гербициды, инсектициды... На Урале такие проблемы стоят достаточно остро, и мы продали немалую работу в части научного обоснования целого ряда природных резерватов. Создания, например, совместно с оренбургскими учеными Оренбургского степного заповедника». (Не толь-

ко Оренбургского, заметим. Его рекомендации по охране растительного мира использованы Свердловским облисполкомом при подготовке решения о памятниках природы и Казигипроградом при составлении технико-экономического обоснования Баянаулского и Каркаралинского национальных парков).

Два слова об учениках. В их числе сегодня 5 докторов наук и около 40 кандидатов, не говоря уже об армии студентов, которым профессор Горчаковский читал те или иные курсы. Создана школа ботаников - фитоэкологов. Целый ряд бывших сотрудников лаборатории экологии растений ИЭРиЖ Уро АН СССР плодотворно работают во многих научных центрах от Восточной Сибири до Прибалтики. И все — в тесном контакте с учителем.

К сожалению, нет возможности отразить здесь все многообразие видов его научной деятельности, это могло бы занять отдельную газетную полосу. Но и сказанного уже довольно, чтобы оценить ту степень признания (в том числе мирового) и уровень вклада, который внес в биологическую науку членый из Свердловска.

СЕКРЕТ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ

— Павел Леонидович, мы много говорим об интеллигентности. А сами-то Вы что под этим понимаете?

— Вы знаете, дорогой мой, для меня представление об интеллигентности, как ни странно, воплотилось в таком человеке, каким был Тимофеев-Ресовский. Почему «как ни странно»: дело в том, что в нем — уникальный случай! — аристократизм по рождению сочетался с нарочитой такой, мужицкой грубостью. Он мог легко находить общий язык с любым человеком, от таксиста до академика, и они охотно вступали с ним в разговор, находили удовольствие в беседе. И вот, несмотря на такую грубоватость, он был интеллигентом до мозга костей. В буквальном смысле аристократом духа!.. Из ныне здравствующих могу привести в пример Юрия Николаевича Афанасьева, чьи глубокие исторические знания, умение думать и говорить внушают доверие и уважение.

— Значит, «аристократизм духа». Сказано хорошо. Но я бы определил интеллигентность по-другому: этическая твердость, как сказал Фазиль Искандер. То свойство человека, его разума, которое, думаю, не только от воспитания зависит... Скорее, от бога дается, как талант, скажем, или красота. — Ну, может быть, может быть...
Беседуя с Горчаковским, мы засиживаемся допоздна.

И вот уже, отвечая на звонок жены, он оправдывается, что задержался, что скоро заканчиваем и прочее, прочее. Кроме всех прочих достоинств — это преданный и заботливый семьянин. Что ж, может быть, в этом еще один признак русского интеллигента, но трудно понять, как же все успевает, откуда берутся время и силы на дом, на работу, на книги. И если о работе сказано достаточно, то о круге иных интересов почти ничего.

Когда-то давно Павел Леонидович начал интересоваться англо - саксонской литературой и английским языком. Теперь достаточно владеет английским, чтобы поговорить с любым человеком и читать литературу (в том числе классическую) в первоисточниках. Пришло увлечение и французской культурой: начал открывать для себя литературу, живопись и французской культуры: начал открывать для себя литературу, живопись, музыку. «...Если говорить о музыке, то французские шансонье были для меня безусловным открытием. В живописи импрессионисты мне очень нравятся, и, конечно, выше всех я ценю Ренуара». Знает, помимо того, немецкий, достаточно, чтобы читать литературу (и научную, и художественную), поговорить. Сносно изъясняется на итальянском.

Но что же еще? Обратимся к коллегам.

— Это прекрасный человек, ученый и мужчина. Посмотрите, семьдесят лет и как выглядит — огурчик! Я заканчивала аспирантуру, это был 71-й год. И вот самое яркое воспоминание — это то, какие он слова находил, будучи оппонентом, как сумел мою работу оценить. Даже я, автор, не видела в ней того, что он сумел увидеть. Меня это поразило. И так — всю жизнь он нас удивляет собой, своими работами, своим поведением.

— Больше всего меня потрясает в нем умение работать в любых условиях — в поезде, автобусе... на колеске — где угодно. Он может сосредоточенно делать какое-то дело, слышать, что происходит вокруг него, и адекватно на все реагировать. Блестяще выступать, хотя он только что сидел и читал статью. При всем при том у него уникальная память...

— Его правило — порядочность. Он не будет никогда, зная, что это не совсем этично, предпринимать те или иные действия и нарушать вот это свое правило.

— Однажды на Таганая мы заблудились. Нас было человек пять - шесть, и я тогда впервые видела, как Павел Леонидович растерялся, потому что наступила

ночь, и куда идти, было непонятно. Пришлось развести костер, нагреть камни и на этих камнях почевать — ну прямо, как селедки в банке. А потом, когда начало рассветать, то мы увидели за каким-то гребнем наш лагерь. Оказалось, мы ходили по кругу. Что еще для него характерно, так это тяга к прекрасному — в природе, в искусстве, в жизни... Кстати, у него и в лаборатории все девушки были довольно симпатичные, и когда они, положим, шли в столовую, то вслед им неслось: «Вот пошел букет Горчаковского», это обычно зоологи говорили...

* * *

Итак, попробуем все просуммировать. Маститый ученый. Учитель. Блестящий оратор и эрудит. Знаток языка и культуры, учтивый с женщинами и остроумный с друзьями. Одним словом — человек, создающий вокруг себя некую ауру духовной свободы, которая и притягивает людей, и влияет на тех, кто в нее попадает.

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

«Как это ни странно, наша наука, в отличие от науки западной, все же остается интеллигентной».

А. Д. Сахаров.
«...В лице Горчаковского мы имеем пример интеллигента в нашей не обремененной интеллигентностью науке».

Из выступления на юбилее в ИЭРиЖ.
Когда академик А. Д. Сахаров в коротком интервью автору этих строк говорил об интеллигентности нашей науки — имелся в виду не средний, конечно, ее уровень. И слова, сказанные на 70-летию П. Л. Горчаковского, отнюдь не являются преувеличением; наука сегодня действительно интеллигентностью не обременена. Тому есть причины. Гонение на самую идею интеллигентности, как свойства мышления быть независимым и нравственным одновременно, беспрецедентно по масштабам и глубоко проросло корнями в истории советского общества. Нежелание подчиняться догмам пугало молодую кремлевскую власть, обьявившую интересы партийные — все народными, и выкорчевывалась этой властью за семьдесят лет многократно. Классовые интересы приобрели силу императива, а все остальные понятия, нормы этики, которые тысячелетиями выработывало человечество, занимали теперь подчиненное положение: они либо втискивались в идеологические рамки, либо отбрасывались как ненужные «новому обществу» предвзвешенные вроде «презумпции невинности» или «свободы совести». Пришлось подавлять и потенциальных носителей вредных, с точки зрения «нового общества», знаний. Вспомним изгнание из страны в начале 20-х годов корифеев русской мысли — Н. Бердяева, П. Сорокина, Н. Лосского, С. Булгакова — и еще около двухсот представителей «гнилой интеллигенции», вспомним убийства Чайнова и Вавилова; направленные волны репрессий конца 30-х, 40-х годов; разгром генетики — и многое, многое другое.

Казалось, выкручивание рук проходит успешно: утерян культурный слой свободной от догм, рожденной XIX столетием мысли. Не столько утерян, сколько содран живьем и с кровью — тот слой, что питают сегодня во всем мире ростки прогресса, идеи экологического благоразумия, процветание человека. Всего того, что сулила, едва народившись, «рабоче - крестьянская» власть всему населению огромной, богатой ресурсами страны. Теперь мы имеем результат. Безумна система, затеявшая битву с собственным интеллектом, и плата за это безумие — сегодняшний наш полуиндустриальный уровень жизни. Беда, когда разум, воспитанный страхом, безнравствен — система дала нам и это. В этом случае отношение к науке как к служанке тех или иных интересов уже не химера, а горькая наша реальность.

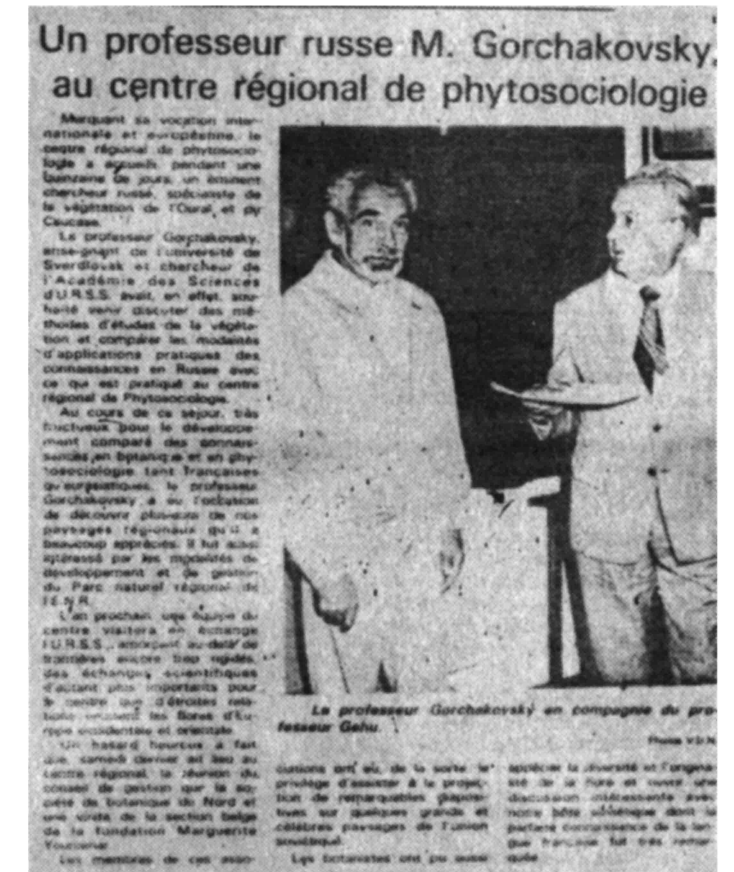
Действительно, два уровня знаний — духовный (этически обусловленный) и праг-

матический (идуший в ногу с научно - техническим прогрессом) — взаимосвязаны, и упадок нравственный неизбежно ведет к утрате культуры мышления, а она, в свою очередь, — к провалу техническому, технологическому, социальным. (Здесь и Арал, и Чернобыль. И повороты сибирских-уральских рек, и печальной памяти ленинградская дамба, и погибший залив Кара - Богаз-Гол, и Севан... Что еще? Бумаги не хватит описывать).

Но самое поразительное, что сколько бы ни выкорчевывали, ростки интеллигентности все равно пробиваются! Кто знает, может быть, в этой ее неуничтожаемости проявляется одно из фундаментальных свойств человеческого разума, заложенное самой природой. И те слова о «необремененности» ничуть не противоречат мысли Андрея Дмитриевича, как раз эти рсткки и заметившего. О них говорил академик — о людях, которым дано сохранить огонь, о том заряде внутренней честности, который приносят они в науку, не давая и в тяжелых условиях упасть ей до нижайшего культурного уровня. У этой плеяды — будущее. Судьба самого Андрея Дмитриевича, не умевшего жить по - другому, тому подтверждение.

Все сказанное имеет прямое отношение к теме: пока еще «поле научной интеллигентности» существует. И если сравнить его с полем точечных зарядов, то Горчаковский — одна из точек.

Н. ГОЦИЦКИЙ.

Un professeur russe M. Gorchakovskiy, au centre régional de phytosociologie

Marquant sa vocation internationale et européenne, le centre régional de phytosociologie a organisé pendant une semaine de jours, un séminaire chercheurs russes, spécialistes de la végétation de l'Oural, et du Caucase.

Le professeur Gorchakovskiy, enseignant de l'université de Свердловск et chercheur de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. avait, en effet, consacré ses études de la végétation et compiler les données d'applications pratiques des connaissances en Russie avec ce qui est pratiqué au centre régional de Phytosociologie.

Au cours de ce séjour, très fructueux pour le développement scientifique en France et en phytosociologie tant française que soviétique, le professeur Gorchakovskiy a eu l'occasion de découvrir plusieurs de nos ouvrages récemment publiés et beaucoup apprécies. Il fut aussi intéressé par les modalités de développement et de gestion du Parc national régional de l'U.R.S.S.

Un prochain voyage scientifique verra en échange l'U.R.S.S. accueillir au sein de son centre de la section belge de la Fondation Marguerite Yourcenar.

Les membres de cet atelier ont été de la sorte le privilège d'assister à la présentation de plusieurs travaux effectués au sein de notre centre de la section belge de la Fondation Marguerite Yourcenar.

Les membres de cet atelier ont été de la sorte le privilège d'assister à la présentation de plusieurs travaux effectués au sein de notre centre de la section belge de la Fondation Marguerite Yourcenar.